

МЕЙХОШ АБДУЛЛАХ АЛАГЁЗ

Повесть

Перевод Лейлы КАДЫРЗАДЕ

Дорогой Читатель! Если на этом свете для тебя нет ничего дороже жизни, тогда эта повесть не для тебя. Потому что это рассказ о боли, которая не под силу не только человеку разумному, но и неразумному существу.

...Стоял последний месяц осени. Она в этом году выдалась на редкость дождливой, поэтому трава поднялась по самое колено. Казалось, что это и не осень вовсе, а весна. На безбрежных, изумрудно-зеленых пастбищах с раннего утра до позднего вечера паслись стада – любо-дорого было наблюдать, как жадно жуют свежую траву овцы и коровы. Глядя на эту умиротворяющую картину, я вспомнил слова, услышанные когда-то в детстве от старших: «У каждой бессловесной твари тоже есть Бог». И ведь верно сказано – именно Он в этот последний месяц осени щедро одарил свои бессловесные создания пищей. А животные и есть божьи твари. В отличие от людей они не гонятся за богатством, им не нужны должности, квартиры. Подавай им только еды вдоволь – вот и всё их счастье, за это они и будут благодарны Создателю.

Возвращаясь вечером с работы, я всегда старался пройти мимо пастбища, хоть эта дорога и была гораздо длиннее. Не знаю почему, но для меня нет ничего лучше на свете, чем любоваться зеленеющей травой на лугу и тем, как несёт свои воды река. Усталость как рукой снимает.

Однажды, быстро управившись с делами, я пораньше вышел с работы. Размышляя о житье-бытье, весь поглощенный этими философскими раздумьями, я неторопливо шел домой, с наслаждением ступая по мягкому ковру зеленеющей травы.

Так я шел довольно долго, как вдруг заметил на лугу худощавого мужчину лет 50-55-ти, пасшего скотину. Я часто видел его на пастбище. Он всегда вел за уздечку рыжего жеребца, ни на шаг не отпуская его от себя. Словно это была птица, а не жеребец, и отпусти он его – упорхнёт в небеса.

Поравнявшись с пастухом, я поздоровался с ним. Тот, ответив на мое приветствие, попросил папиросу. Я протянул ему папиросу, чиркнул спичкой, одну прикурил сам. Мужчина на вид не был похож на местного жителя, да и говор выдавал в нем пришлого человека.

Затянувшись папиросой, он заговорил:

– Видишь, брат, какая плодородная выдалась осень. Если сейчас скотина вволю наестся, зима ей не страшна. Аллах пожалел свои создания, не оставил их без прикорма... – потом, глубоко вздохнув, продолжил: – А нам уже и нечего уповать на Господа. Мы своими руками разрушили всё, что имели... Чего уж тут сетовать на Аллаха?

Наверное, неспроста он так горестно начал разговор, подумал я. И поскольку меня по роду деятельности всегда интересовали необычные судьбы и истории, я почувствовал, что собеседнику есть что рассказать. Чтобы расположить его к откровенности, я поддержал беседу:

– Брат, ты ведь не из наших краёв будешь?

Прищурившись, мужик вновь сделал глубокую затяжку, мастерски выпустив колечко дыма из ноздрей, словно хотел сказать: «А тебе так слабо?»

– Да, не здешний я, – помолчав, ответил он. – Я родом из многострадальной Карабахской земли. Из Кяльбаджара я, беженец. Сначала некоторое время жил в Баку у сына. Потом понял – не моё это. Сам понимаешь, каково человеку, всю жизнь верхом на лошади скакавшему по горам да по долам, прогуливаться по городскому асфальту. Не привычный я к такой жизни. И вот попросил я сына: «Если не хочешь моей смерти, найди мне где-нибудь в деревне местечко, чтобы я мог скотину держать и себя прокормить». У сына в вашем районе студенческий друг живет. Привёз он меня к нему в райцентр. Тот хорошо нас встретил, спасибо ему. Несколько дней я гостил у него, но не по душе мне подолгу жить у чужих людей. Присмотрели для меня квартиру в кооперативном доме, да я не согласился. Сказал, что хочу в деревне обосноваться, чтоб и скотинку мог держать кое-какую. Уважил он мою просьбу. Привез в вашу деревню Гошатепе и дом подыскал пустой. Бывший хозяин с семьей переехал в Россию, вот жильё и пустовало. Прикупил я пять голов баранов и одну корову. Так и живу – скотину пасу, коротаю свой век.

Внимательно слушая неторопливую речь пастуха, я вглядывался в черты его лица, заросшего густой щетиной. Глубоко в прищуренных глазах пряталась тоска. Его взгляд говорил больше тысячи слов – в них нетрудно было прочесть скорбь человека, лишившегося родного очага. Да разве только в его глазах? Нет! Я видел эту скорбь, эту боль в глазах сотен, тысяч беженцев, с которыми жизнь сталкивала меня. Они напоминали птиц, потерявших своё гнездо, – часто вздрагивали от громкого звука, резкого слова. При разговоре отводили взгляд, словно стыдились чего-то. Может, им казалось, что окружающие осуждают их за то, что бросили свои дома, земли? Но скажите на милость – в чём вина этих людей?! Предатели, продавшие земли, Родину, остались чистенькими – никто и не думает предъявлять им счета, а те, кто потерял в кровавой бойне не только кров, но и свое здоровье, остались ни с чем...

Жеребенок, которого всё это время мужчина держал за уздечку, даже не делал попыток отойти от него, лишь описывал круги вокруг нас. Иногда он трогательно просовывал мордочку под мышку хозяина и ласково фыркал. Тому это явно доставляло удовольствие. Он доставал из кармана телогрейки немного ячменя и протягивал жеребцу.

– Хороший жеребец, жаль, что маленький, – заметил я. – Был бы побольше, вы бы ездили на нём.

Мужчина только вздохнул – да так глубоко, что я пожалел о своих словах. Виноватно посмотрев, вдруг заметил слёзы на его глазах... Что это? Он плачет? Я растерялся. Странно... Когда он рассказывал свою невесёлую историю беженца, ни один мускул не дрогнул на его лице. А тут вдруг слёзы...

Увидев моё замешательство, старик выдал из себя улыбку:

– Знаешь, братец, ты, сам того не зная, затронул мою самую глубокую рану. В последние годы произошли очень горькие для меня события. Всего и не расскажешь... но не буду тебя расстраивать...

Я чувствовал, что ему есть что рассказать, поэтому отшутился:

– Показав тетиву, стрелы не прячут, так что давай, рассказывай и не бойся расстроить меня...

Пожав плечами, мужик бросил телогрейку на траву, приглашая меня присесть. Сам же опутав ноги жеребца веревкой, уселся рядом. Немного помолчав, начал свой рассказ:

– Да, брат. Родом я из Кяльбаджара. Не знаю, был ли ты в наших краях. Одно могу сказать – нет краше земли на свете. Леса, горы – всё кругом зеленеет и цветёт. Глаз не оторвать... А лекарственные травы? Лечат тысячи недугов. Не знаю, что прекрасней в наших краях – зима или лето... Если есть рай на земле, то только там. А жили мы богато. В каждом дворе поголовье скота, овцы, коровы. Сам я работал бригадиром. Знаешь, какой у меня дом был? Эээххх...

Но когда кругом такая красота, тебя и домой не тянет. Весь день – на чистом воздухе, на природе. Оттого и здоровьем не хворал, был крепким, как камень. Иногда в зимнюю стужу вдруг приспичит мне холодной воды испить из родника... А вода, тебе скажу-у-у... Под каждой скалой, под каждым камнем в наших краях родники бьют – чистые, как слеза ребенка. Бывало, поклонюсь земле, приложусь губами к роднику и пью из него сладкую, как мёд, холодную, как лёд, воду, а она бальзамом разливается по всему телу... Дааа... Словами не передать мою тоску, мою боль.

Один-единственный сын у меня – Ахмед. Жена хворала – не родила других детей. А ещё была у меня лошадь по прозвищу Алагёз, которой не было равных во всей деревне. Да что там в деревне – во всём районе... Быстрая была – птице не угнаться! А поступь... – лёгкая, плавная. Сидишь, бывало, в седле, и тебя убаюкивает, аж засыпаешь. А стоит только слегка уздечку потянуть – быстроскрылой птицей понесётся. Вот хочешь верь – хочешь нет. Я, бывало, только прикурить успею, а она уже домчит меня до нужного места. Сам, наверное, знаешь, какой Кяльбаджар большой район. Но мы с Алагёз каждую пядь земли объездили... На левом бедре её я клеймо поставил, букву «Г». Первую букву своего имени...

Сказав это, он хлопнул себя по коленям:

– Да ведь мы ещё не познакомились! Меня Гасан зовут, – он протянул мне руку.

– А меня Селим, – сказал я, ответив на его рукопожатие.

– Так вот, клеймо-то я потому поставил, что все вокруг зарились на мою лошадь. Не ровён час, украли бы...Эх, брат... Алагёз была как член семьи. Всё понимала, разве что говорить не могла. Стоило только кликнуть её, стрелой летела на зов. От звонкого ржания горы сотрясались. Не было больше радости мне, чем вскочить в седло и мчаться по просторам родной деревни. Казалось, весь мир у твоих ног. Я и часа не мог прожить без своей любимицы. И в радости, и в горе – она всегда была со мной. Не расставались мы никогда.

Гасан-киши немного помолчал. Лицо его неожиданно помрачнело, дыхание стало прерывистым. Несколько раз он судорожно глотнул, как будто не мог больше выдать ни слова. На глаза навернулись слёзы. Откашлявшись, он продолжил хриплым голосом:

– Когда армяне захватили Кяльбаджар, вся жизнь под откос пошла. Богатый край у нас был, зажиточный... Только в моем подворье больше пятисот овец, около пятидесяти голов крупного рогатого скота насчитывалось. Ручной работы ковров не пересчитать... Всё, всё осталось армянам. В страшном сне не мог бы я представить, что Кяльбаджар отдадут врагу. Ведь каждая гора, каждый утёс там – неприступная крепость, каждый овраг – надежный окоп. Никто нам не помог. Бросили на произвол судьбы, безоружными, лицом к лицу с врагом.

Вот это и не даёт мне покоя. Как вспомню – так ярость душит. Никто не протянул руку помощи. Много болтали, а как до дела дошло – поджав хвосты, разбежались, как трусливые лисы. Да что там о помощи говорить!

Ладно бы не мешали, не путались под ногами! Дали бы возможность нам самим что-то предпринять. Клянусь могилой предков, мы бы голыми руками справились с врагом...

Скажи на милость – куда подевались эти «храбрецы», в былые мирные времена толпами приезжавшие к нам из Баку, из Шеки, чтобы отдохнуть, поесть шашлыков на природе. Куда подевались эти «пехлеваны», которые горазды оказались только языком молот и бить себя кулаком в грудь, с пеной у рта доказывая свою значимость... Ну скажи – куда они все подевались?

Да будут прокляты те, кто оставил нас без крова, осиротил детей, пустил их по белу свету. За что? За что они с нами так поступили?

В трудные для Кяльбаджара времена большие чиновники вдруг стали ниже травы, попрятались, как мыши, по своим норкам.

Никогда не забуду, своими глазами видел, как приехала группа людей и стала страшать народ – дескать, бегите, пока не поздно, армяне расправятся с вами как с несчастными ходжалинцами.

Да будет проклят тот день, когда мы поверили их словам и оставили свои дома...

Гасан-киши замолчал, уставившись в одну точку. Потом попросил у меня еще одну папироску. Сделал глубокую затяжку – словно хотел всю свою злость на папиресе выместить.

– Когда армяне напали на Кьялбаджар, всё население стали эвакуировать на вертолетах. Ведь другого пути оттуда и не было... Жена моя была тяжело больна, прикована к постели. Её сердце не выдержало ужаса этого дня. Она скончалась, а я не смог даже её тело предать земле, по-человечески похоронить... так и осталась она лежать в постели.

Знаешь, брат, жизнь – сладкая штука. Я это тогда понял. Каждый думал только о себе, спасался, как мог. Всё перемешалось, все куда-то бежали...

Я сидел возле мертвой жены, и мне казалось, что это просто страшный сон. Потом опомнился, подумал об Алагёз. Ведь ферма, где она была привязана, находилась далеко от дома, на самом краю деревни.

Я понимал, что из этого ада её не вывезти, не спасти. Решил хотя бы отвязать несчастное животное. Побежал на ферму. Ужасное зрелище предстало моим глазам. Кто-то поджёг ферму. Только кучка пепла осталась. Кругом валялись трупы животных. Военная техника армян уже побывала здесь и продвигалась вниз, по направлению к деревне. Алагёз нигде не было. Я побежал обратно и понял, что армяне уже зашли в село – вдали полыхали крыши домов, черный столб дыма поднимался к небу. Казалось, кто-то разжёг огромный костер.

Чтобы не попасть в плен, я побежал окольными путями. От звуков взрывающихся тут и там снарядов глохли уши. Я уже не понимал, куда бегу, но продолжал бежать. В спешке обронил папаху... но не до неё было, не стал искать.

У реки увидел несколько наших вертолетов, эвакуировавших людей. Я едва dospел к последнему. Силы оставили меня. Двое военных, подхватив меня под мышки, втащили внутрь. Там уже было полно народу – яблоку негде упасть. Женщины кричали и плакали, обнимая своих детей, те от страха прижимались друг к другу, кто-то потерял сознание... Вертолет, наконец, поднялся в воздух. Во всеобщей давке меня тесно прижали к иллюминатору. Я бросил последний взгляд на родную деревню, которая по мере того, как вертолет набирал высоту, становилась всё меньше и дальше. Мне казалось, что это не вертолет отрывается от земли, а мясо вырывают из-под моих ногтей... Слышал когда-нибудь звук дерева, когда его с корнями вырывают из земли? Вот так хрипело моё сердце... А ты думал?! Легко ли расставаться с родной землей... да что я говорю – не расставаться, а бежать из родной земли... земли, каждая пядь которой хранит твои следы... бежать, потеряв всё – не только имущество, но и свою честь...а это страшнее смерти будет. От бессильной злобы я бился головой о стекло иллюминатора, проклиная себя за то, что остался жив. Я ненавижу себя за это. «Куда ты едешь, старый? – говорил я себе. – Кому ты там нужен?»

Я подумал о своем доме и нажитом годами имуществе, в одночасье превратившемся в кучку пепла... Перед глазами встало лицо жены, посвятившей мне лучшие годы своей жизни... а я даже не смог похоронить её... брошенные на произвол судьбы могилы родителей и дедов... Алагёз, которую я любил больше жизни... И я подумал – зачем мне жить без них и главное – как жить? И только подумав о своем единственном сыне Ахмеде, я немного успокоился. Как хорошо, что лет пять назад я купил ему квартиру в Баку, когда он женился.

Не отрывая взгляда, я смотрел на родное село. Всё надеялся увидеть Алагёз.

Если она жива, то, наверняка, ищет меня. Она лучше меня, преданнее. Алагёз никогда бы не бросила меня в беде, не убежала бы. Нам, людям, надо бы поучиться у бессловесных животных верности и преданности.

Расскажу тебе одну историю, чтоб ты понял, какой была Алагёз. Однажды я сильно захворал, сил не было с постели подняться. За скотиной ухаживал сосед, потому что жена, как я уже говорил, болела всё время. Однажды тот пришел расстроенный. Говорит, не знаю, что с Алагёз, не ест ничего, крошки в рот не берёт. Наверное, тоже заболела. С трудом встав с постели, я прошел с ним в конюшню. Надо было видеть, что стала вытворять Алагёз, увидев меня. Словами это не передашь. Она тыкалась мордой мне в лицо, облизывала руки. Увидев настоящие слёзы в глазах Алагёз, я обнял её за шею. Поднёс ей сена, и Алагёз стала есть прямо с моих рук. Увидев эту картину, сосед только всплеснул руками: «Ну и дела, у меня слов нет. Не лошадь, а человек!» Вот такой была Алагёз. А я оставил её в полыхающем аду, спасая свою шкуру. Причём не по земле, как человек, убежал, а летел по воздуху... А ведь земля эта меня кормила, поила... Я же при первой же трудности плюнул на неё и сбежал. Неблагодарный... Вот Аллах и покарал нас...

Так на чем я остановился? Аха, вот привезли нас в Баку и высадили. Я приехал к сыну. Его не было дома – невестка сказала, что со вчерашней ночи ещё не приходил. Как услышал об оккупации Кяльбаджара, места себе на находил, не мог и минуты дома оставаться.

– Куда он пошел? – спросил я у невестки.

– Не знаю. Сказал, пойду попытаюсь узнать, что с нашими.

До поздней ночи мы разговаривали с невесткой, ждали Ахмеда. Он вернулся далеко за полночь. Увидев меня живым-невредимым, схватил в объятия, заплакал от радости. Потом оглянулся по сторонам и спросил: «А мама где?».

Этот вопрос резанул меня ножом. Помолчав, я ответил:

– Чего греха таить, сынок? Болела она сильно, не вставала с постели. А тут такая паника началась. Несчастлиная от страха и умерла. Наверное, сердце не выдержало. Не смог я её привезти, сынок. Прости...

Сказал это, а сам подумал – лучше бы и мне так умереть. Как же тяжело и стыдно было отвечать на вопросы сына. Потом подумал – если бы я умер, он бы сейчас чужих людей спрашивал: «А где же мой отец?» И я был бы ему так же дорог, как сейчас мать.

А сейчас... конечно, Ахмед ни словом не попрекнул меня. Но кто знает, что он подумал в тот момент. Я и не виню его. Полное право имел спросить: «А как же ты в живых остался?» Мне казалось, что он винит меня и в смерти матери, и чуть ли не в потере Кяльбаджара. Хорошо ещё, что не спросил про Алагёз. Ведь он тоже очень любил её.

Один Аллах знает, как прошла та ночь. Не приведи Господь ещё раз пережить такое...

Две недели я не выходил из дома. Стыдно мне было людям в глаза глядеть. Мне казалось, что все меня должны презирать и плевать в лицо, потому что я бросил землю отцов. Ведь, если вдуматься, всё так и было в действительности. Смотрят на тебя, прямо в глаза, а сами, наверняка, думают: «Ты-то как жив остался, почему не погиб?»

Да, брат, бывают в жизни моменты, когда смерть в тысячу раз желаннее жизни. Знал я одного парня – тот с начала войны ни одного дня дома не был, сражался с врагом под пулями, под артиллерийским обстрелом, но чудом выжил. И вот теперь у него спрашивают: «Как же ты уцелел? Почему не погиб?» А знаешь, почему спрашивают? Потому что мы потерпели поражение. Верно говорят: «Победителей не судят». Судят проигравших. И осуждают, и проклинают. А как же иначе? За что же хвалить? За поражение?

В городе соседи на нас косо смотрели – мол, вот, понаехали беженцы из Кяльбаджар, обосновались в центре Баку, а мы, бакинцы, шекинцы, должны ехать в Карабах, сражаться за Кяльбаджар?

Тяжело всё это было, но жизнь продолжалась. Сын постепенно смирился со смертью матери. Правду говорят: «Сырая земля боль остужает». Хорошо, что сын не видел, как умерла мать. Рано или поздно всё забудется, боль притупится – земля холодная. А мне? Мне как жить дальше? Как вычеркнуть из памяти то, что занозой заело в сердце?! Я не мог забыть свою жену – не только потому, что прожили мы с ней столько лет, делили вместе радость и беду... А потому, что скорбь по усопшим стирает сырая земля. Я же не предал её земле, не похоронил по-людски, оставив мертвую в постели. Вот это не давало мне покоя, огнем жгло сердце, брат. И этот огонь я не в силах потушить – и не будет мне покоя до конца моих дней.

Каждую минуту перед моими глазами вставали покойная жена, могилы родных, потерянные земли. Каждый миг, преодолевая боль, я твердил себе: «Хватит, нет их больше: ни жены, ни земли...»

Но в сердце моём жила ещё одна незатухающая боль – тоска по Алагёз. Как бы странно это ни звучало, но постепенно я привык к мысли об утрате земли, потому что в городе сталкивался с такими же беженцами, каким был сам, с бывшими односельчанами, друзьями и просто знакомыми. Правду говорят, «На людях и горе – вполгоря, на миру и смерть красна».

Я понимал, что всем нам сейчас трудно, и от осознания этого боль переносилась легче. Ведь не мне одному такая участь выпала, кругом всем не сладко. К тому же я был простым трудягой. Не учителем, не начальником каким-нибудь большим, чтобы решать важные вопросы. А то знаешь, есть такие, что дома ниже травы, тише воды, а на людях – гогаем ходят, о вселенских проблемах рассуждают, словно круче них только горы.

Я – сын пастуха, мое дело – овец пасти, за лошадьми ухаживать.

Как-то сын взял меня с собой на ипподром, чтобы рассеять мою тоску. На душе сразу потеплело от знакомого, до боли родного запаха конюшни. Я даже проследил. Но ни одна лошадь не шла ни в какое сравнение с моей Алагёз – ни красотой, ни поступью. Несколько раз мне казалось, что я вижу Алагёз. Я как сумасшедший подбегал к похожей лошади, но каждый раз меня ждало разочарование... Владелец лошадей, естественно, не нравилось мое странное поведение.

После скачек Ахмед внимательно посмотрел на меня в надежде прочесть на моём лице радость, но увидел лишь ещё большую тоску и усталость.

– Папа, почему ты такой грустный? Хватит уже казнить себя. Разве кони на скачках не понравились тебе?

– Да буду я твоей жертвой, сынок. Глядя на них, я ещё больше затосковал по Алагёз. К тому же по сравнению с ней они гроша ломаного не стоят. Не пойду я больше на скачки! Ни за что не пойду. Чего зря душу беречь?!

После неудачного похода на ипподром какое-то время я вообще не выходил из дома. Хотелось всё забыть: потерянную в одночасье родину, близких, Алагёз... Но память – жестокая штука. Чем больше я гнал от себя тяжелые мысли, тем больше они угнетали меня.

Гасан-киши попросил ещё одну папиросу. Я протянул ему всю пачку. Вытянув из неё одну, он хотел было вернуть пачку, но я тихонько придержал его руку – дескать, оставь себе.

– Знаешь, а я ведь раньше не курил. На дух не переносил папиросного дыма. А вот на старости лет втянулся, – поблагодарив, сказал Гасан-киши и сделал такую глубокую затяжку, словно хотел наверстать упущенное.

Бросив недокуренный окурочек в траву, примял его ногой. Затем продолжил свой рассказ:

– Утомил я тебя своими рассказами... Верно говорят, дума в сон клонит, а горе язык развязывает... Вот и я ворчу на жизнь без умолку. А может, тебе надоело меня слушать...

– Нет-нет, прошу тебя, продолжай. Мне интересно, – поспешил я заверить его.

– Я всех расспрашивал – не видали ли мою Алагёз? Несколько раз даже к границе ездил. Но всё впустую, а тоска ещё больше съедала меня. Однажды сын даже не выдержал, упрекнул меня – мол, стыдно перед людьми. Многие семьи свои потеряли...родных. Ищут: кто – мать, кто – отца, кто – детей ... А ты – лошадь ищешь, никак не можешь успокоиться.

Слова сына задели меня за живое.

– Оставь меня в покое, сын. Заклинаю тебя неприкаянной душой усопшей матери, обещаю, что больше никогда не будешь так со мной говорить. Не трогай меня лучше. Ведь я всё равно как живой мертвец в этом городе. Считаю, нет у тебя отца, умер он в Кяльбаджаре вместе с матерью. Ведь так оно и есть. Если человек потерял всё, что у него было, что нажил непосильным трудом, если у него нет больше своего дома – какой смысл в его жизни?!

Клянусь Аллахом, когда я вижу беженцев, ютящихся в палатках, я умираю сотни раз на дню от стыда. Раньше им было тесно в огромных домах, а теперь они вынуждены ютиться в убогих палатках. Да будет проклята такая жизнь! – в сердцах произнёс Гасан-киши, возведя руки к небу.

Помолчав немного, он продолжил свой рассказ:

– Как-то на Агджабединском базаре повстречал я своего односельчанина Худам. Обрадовались мы встрече, обнялись, поцеловались, поговорили о жите-бытье. Худам ещё с советских времён занимался торговлей. Ездил по российским городам. А как СССР развалился, зачастил за границу. Весь мир, можно сказать, объездил. Даже в Африке побывал... Чаще всего в Иран он ездил. Для него туда поехать, что к соседям на огонёк зайти. В неделю несколько раз границу пересекал... Я заинтересовался у него:

– Худам, чем ты сейчас занимаешься? – на что он, громко рассмеявшись, ответил:

– Так я ещё в советские времена спекуляцией занимался, а сейчас, когда весь народ торгует, ты ещё спрашиваешь, чем я занимаюсь? Всё тем же, брат, – продолжая дело своих дедов! Только теперь это бизнесом называется... Слышал поговорку «Волк окрас поменяет, а характер останется»... А ты чем занимаешься, Гасан-киши? Неужто и в Баку овец пасешь? У тебя, помнится, большое поголовье было. Что с ним стало?

Спросив об этом, он почему-то неожиданно погрузился. Потом схватил меня за плечи:

– Гасан, у тебя лошадь была славная. Как, бишь, её звали? Гарагёз, Алагёз... Представляешь, где я её увидел? В Иране, в Тебризе! На скачках. Клянусь могилой брата! Алагёз это была – как пить дать Алагёз! Я бы эту красавицу из тысячи других узнал бы.

Меня аж в пот бросило от этой новости, сердце как сумасшедшее заколотилось в груди, ноги обмякли. Я чуть было не упал. Увидев это, Худам встревожился:

– Да что с тобой, Гасан? Сердце? Будь прокляты эти армяне: у людей всё отняли – и землю, и имущество, и здоровье!

Я не мог больше сдерживать слез. Худам растерялся:

– Что с тобой? Почему ты плачешь?

– Худам, заклинаю тебя могилой предков! Скажи, ты точно видел Алагёз? В Иране?

– Ну да... А что ты удивляешься. В прошлом году на ардебильском базаре увидел я ковёр, который собственноручно моя матушка соткала в приданое сестре моей.

Подошел к продавцу, хотел выкупить его – так мошенник такую цену заломил, куда там... Разворовали нашу страну, братец, ограбили. Всё, что можно, стащили и теперь на базарах продают. Всё продаётся – не только ковры и тряпки, но и совесть, честь... А ты говоришь – лошадь... Говорю тебе – твоя это лошадь была, стопроцентно твоя! Не так уж много времени прошло, чтоб я не узнал её. Каких-то 3-4 года назад видел я её в последний раз... Как не узнать?! К тому же клеймо было у неё, на левом бедре...

От радости я чуть не задушил Худаму в своих объятиях. Он тоже растрогался.

– Да ладно... будет тебе, успокойся, Гасан. Ты чего это? С тех самых пор Алагёз ищешь?

– Худам, да буду я твоей жертвой. Ищу – не то слово. Считаю, что не живу я без Алагёза. Извёлся весь, места себе не нахожу... Ну скажи – как, когда ты видел Алагёза?

– Когда, говоришь?.. Да недавно, месяца 2-3 назад. В Тебризе друг мой живет, Агазаде его фамилия. Пошли мы с ним как-то на ипподром – там и увидел я твою ненаглядную Алагёз. Перед скачками лошадей показывают людям, чтобы выбрали, на кого ставки делать. Твоя Алагёз первой пришла. Клянусь всеми святыми, другим даже за пылью из-под её копыт не угнаться было.

После этих слов я окончательно убедился, что Худам видел именно Алагёза. И стал я упрашивать земляка взять меня с собой в Иран.

Подумав немного, он ответил:

– Гасан, клянусь могилой матери, послезавтра я должен срочно лететь в Китай – товар мой застрял там на таможене. Дел у меня примерно на месяц. Дождись меня – как только приеду, сразу в Иран и махнём.

– Что ты, Гасан. За месяц я от тоски умру. Я не месяц, а даже одного дня больше не выдержу.

Подумав ещё немного, он сказал:

– Ладно, не горюй. Мы вот как сделаем – ты поезжай в Иран один. Я дам тебе адрес своего друга Агазаде. Найдешь его. Всё, что надо, он сделает. Поможет тебе, не беспокойся.

Вытащив из кармана листок бумаги и ручку, Худам чиркнул другу несколько слов. На другой стороне листка написал для меня адрес иранца.

В тот же день, не мешкая, я сел в автобус и приехал в город, к сыну.

Поскольку день был воскресный, тот по счастью оказался дома. Увидев меня в таком взбудораженном состоянии, Ахмед удивился:

– Что с тобой?

– А что не так?

– Да нет. Просто ты в последнее время всегда такой грустный, молчаливый, а сейчас вроде повеселел... Наверное, есть хорошие новости?

– Ещё какие, сынок. Алагёз нашлась, моя красавица!

Не только сын, но и невестка обрадовались этой новости, бросились поздравлять меня.

Ведь им тоже нелегко пришлось со мной.

Молодые ведь, им бы жизни радоваться, веселиться... Не хоронить же себя заживо с теми, кто умер. И не очень-то приятно было им видеть меня всё время таким угрюмым.

Но надо отдать им должное – ни разу ни сын, ни невестка и виду не подали, что я им в тягость. Повезло мне с ними, конечно.

Ахмед обнял меня за шею.

– Где ты нашел Алагёза?

– Она в Иране, – ликующе ответил я.

– В Иране? – переспросили сын с невесткой в два голоса.

– Ну да – армяне вывезли её из Кяльбаджара и продали в Иране.

– Откуда тебе это известно?

– Худам сказал, земляк наш. Он видел Алагёз пару месяцев назад, своими собственными глазами. В Иране, в Тебризе – на скачках.

Сын недовольно нахмурился – я знал, что он недолюбливает Иран. Когда отдали Шушу врагу, Ахмед считал, что здесь есть и рука иранцев.

До утра я не сомкнул глаз. А утром, провожая сына на работу, попросил его срочно сделать загранпаспорт для поездки в Иран. Ахмед попытался отговорить меня от этой затеи, но я твердо заявил: «Если не хочешь помочь, тогда хотя бы не мешай».

Ни слова не говоря, сын ушел на работу. А вечером, придя домой, уже с порога сообщил, какие документы нужны для загранпаспорта, добавив:

– Завтра пойдем сфотографируемся, и через неделю паспорт будет готов.

Я возликовал и в душе поблагодарил Аллаха.

Через неделю, как Ахмед и обещал, загранпаспорт был готов. Сын с невесткой проводили меня в Иран через Билясуварский пограничный пункт.

Я впервые попал в эту страну. Всё здесь было мне не знакомо, и я лишь крепко сжимал в руке листочек с адресом, который вручил мне Худам. Не буду утомлять тебя подробностями. Короче, приехал я в Тебриз. Раньше я много слышал об этом городе, и надо отдать ему должное – он действительно очень красив. А какие дороги гладкие, ровные. Можно спокойно чай пить в автобусе.

Подошел я к одному таксисту. Показал адрес. В общем, сел я в машину. Путь оказался неблизким. Агазаде жил на самой окраине города. Показав на дом с высокой оградой, таксист сказал:

– Баба́ (*обращение к мужчине у иранцев*), Агазаде живет вот в этом доме. Если я вам больше не нужен, позвольте мне уехать.

Я попросил его проводить меня до дома, так как был в Иране впервые и не был знаком со здешними порядками.

Водитель не стал возражать, подошел со мной к дому, позвонил по домофону и сообщил хозяевам, что к ним приехал гость из Баку. Потом повернулся ко мне и сказал:

– Баба́, не беспокойтесь, сейчас вам откроют дверь.

Я поблагодарил таксиста и, расплатившись, попрощался с ним.

В ту же минуту дверь открылась. Навстречу мне вышел высокий седой, как лунь, мужчина средних лет. Смерив меня взглядом с головы до ног, он учтиво заинтересовался:

– Баба́, извините, кто вам нужен?

Я протянул ему записку и сообщил, что меня прислал к нему Худам, его давний друг, и что приехал я в Иран по очень важному делу.

Услышав имя Худам, мужчина приветливо улыбнулся и радушно протянул мне обе руки. Затем взяв под локоть, провел в дом.

Мы выпили чаю, потом поужинали. И я рассказал ему свою историю во всех подробностях – вот как сейчас тебе рассказываю.

Внимательно выслушав меня, Агазаде вздохнул:

– Гасан, брат мой, не переживай. Я помогу тебе. Друг Худам – мой друг. Мой дом теперь и твой дом. Что касается твоей лошади, то знай – скачки у нас проводятся по воскресным дням. А сегодня понедельник. Значит, у нас ещё целая неделя впереди. Будешь моим гостем. Воспользуемся временем, и я покажу тебе город и местные достопримечательности.

Агазаде был известным человеком в Тебризе, занимался торговлей автомобилями. Он был владельцем машинного базара и пользовался большим уважением в городе. Каждое утро мы вместе выходили из дома. Закончив с делами, он знакомил меня с городом. Всё мне здесь нравилось, но ничто не радовало сердце, так как я не переставал думать об Алагёз, с нетерпением ожидая дня скачек. Стоило мне услышать цокот копыт на улице, я оборачивался, надеясь увидеть Алагёз.

Мой иранский друг был очень грамотным и начитанным человеком, хорошо разбирался в политике. Иногда мы до самого рассвета беседовали с ним. Он осуждал азербайджанцев за то, что не отстаивали свои земли, отдали их врагу. Говорил, нелегко будет отвоевать эти земли обратно. «Чтением Корана свинью от проса не отогнать, – говорил он. – Ваша самая большая проблема в том, что вы не видите врага перед носом, а ищите его среди своих же, воюете друг с другом. Один кричит – ты продал земли, другой говорит – нет, это ты их отдал. А армяне только посмеиваются – мол, «вы продали – мы купили». И если вдруг лет этак через десять они всё-таки надумают вернуть вам эти земли, то обязательно напомнят: «Мы за них столько денег отвалили, так верните нам их, а мы вам – земли».

Так что, брат, сначала прекратите враждовать друг с другом, объединитесь, отвойте свои земли, а потом уже выясняйте, кто прав – кто виноват... А то один убежал в Россию, другой – в Америке, третий в Иране, остальные – в тюрьме... И все ненавидят друг друга, враждуют меж собой... Да буду я твоей жертвой, разве так можно? Отец мне рассказывал, что если бы не Баку, половина иранцев с голода бы померла. Отсюда в Баку люди раньше на заработки ездили. Сейчас же жителей Баку разбросало по всему миру, за куском хлеба едут в далекие края. Как же так? Душа болит за вас. Я несколько раз был в ваших краях и пришел в ужас от увиденного – сколько нищих на улицах! Можно сказать, полстраны нищенствует. Кругом одни беженцы. Сколько времени человек может жить в палатке?! Ну год, два... Но не десять же лет. Глядишь, англичанин приехал – посмотрел, русский, француз... И всех вы тащите в палаточный городок. И они смотрят, а несчастные беженцы, жалко согнувшись, плачут, слёзы льют – да так жалостливо, что сердце кровью обливается. Ну имейте же вы совесть – не унижайте этих людей перед приезжими. Знайте, никто их не пожалеет. Всё это политическая игра и притворство. А вы ещё на дорожку им подарки вручаете, каждый приезжает с пустыми руками, а уезжает с дорогим ковром под мышкой. Отдайте лучше эти ковры тем, кто мёрзнет в палатках, на холодном полу. Несчастные болеют туберкулёзом. Всё равно ваших беженцев никто из этих «гостей» не пожалеет. К тому же все они – на стороне вашего врага. И это ещё полбеды!

Настанет момент, и эти же гости напустят на вас армян, как свору бешеных собак! Эх, брат, ну не хотят они, чтобы вы пришли в себя, оправились от бесчисленных ударов. Не выгодно это им. Так что надейтесь только на себя – никто вместо вас не будет у армян отвоевывать ваши земли. Может, слышал такую пословицу – «Сколько бы повитух ни крутилось вокруг роженицы, рожать-то всё равно ей самой придётся».

Господи, какой мудрый человек был этот Агазаде! Он знал такие факты, о которых многие и не слышали. Очень близко к сердцу принимал наши беды, не говорил: «Что мне до ваших проблем, у меня-то голова не болит». Во времена СССР бытовала такая поговорка «Советская власть зайца на телеге ловит». Так вот, сегодняшняя власть телегу остановила и вежливо так просит зайца самому сесть в неё.

Утром следующего дня должны были состояться скачки. Всю ночь до самого рассвета я не мог сомкнуть глаз, всё думал о завтрашнем дне. Несколько раз Агазаде просыпался и спрашивал, почему я не сплю. Но, наверняка, он и сам хорошо понимал, что я думаю о своей Алагёз.

Усмехнувшись, он сказал мне:

– Баба, не обижайся, я тебе вот что скажу. Кажется, во всём Азербайджане только ты один и думаешь о чести и достоинстве. Вот ищешь свою Алагёз, никак не успокоишься.

Честно говоря, слова Агазаде задело меня:

– Почему ты так говоришь? У нас много достойных людей. Просто их притесняют. Кого-то убирают, кого-то в тюрьму сажают... Иные, убегая от преследований,

бросают дома и уезжают в другие страны. А разве есть другой выход? Ведь правду говорят: пока лев докажет, что он лев, с него три шкуры спустят. Все только и думают, как бы прокормиться, кусок хлеба заработать. Трудно он даётся нам. Скотина и то лучше живёт. С утра пасётся на пастбище, а вечером сытая домой возвращается. Да ещё по головке её гладят, когда в стойло загоняют. А у нас и живот пустой, и голова бита. И перед людьми стыдно, и перед Аллахом. Нам даже ад не страшен, потому что мы его на этом свете видим. Нет справедливости, мы неправы. А если кто требует свои права, ему быстренько язык укорачивают. Пустословы, лжепатриоты кричат: «Родина, Отчизна», но это только пустой звук. А на деле ничего нет. Им-то что? Это простые люди голодают, их дети погибают. Они ведь прежде, чем что-то сделать, не думают о последствиях. А проходит 2-3 года, и видят – да, ошиблись мы.

И не стыдятся этого, не просят прощения у народа – а наоборот, его же обвиняют во всех смертных грехах. И ничего им не бывает за эти ошибки, всё сходит с рук.

В последнее время мы больше болтаем, чем делаем. И я в том числе. Есть такая присказка: бежал как-то заяц по лесу. Видит – лиса ему навстречу. Лиса остановила зайца и спрашивает: «Куда бежишь, косой?» Заяц, оглядываясь, отвечает ей: «Разве не слыхала, рыжая, что в лес комиссия с проверкой пришла. У кого три уха, одно отрывают. Лиса смеётся: «А чего тебе-то бояться, дурак? У тебя ж два уха». А заяц в ответ: «Я-то знаю, но они странные такие – сначала ухо отрывают, а потом уже считают».

Мой иранский друг покачал головой и сокрушенно вздохнул.

В десять утра мы вышли из дома. Как Агазаде и говорил, скачки должны были начаться ближе к полудню. А до этого времени люди осматривали лошадей и делали ставки. Народу было очень много – яблоку негде упасть. Я и не знал, что в Иране так велик интерес к скачкам. С трудом достав билеты, мы протиснулись на свои места.

Я внимательно всматривался в каждую лошадь, но их отделяло от нас большое расстояние. Все были как на подбор. Немного погодя скачки начались. Вокруг меня люди больше всего обсуждали лошадь под номером 10. Из разговоров я понял, что она уже несколько раз побеждала.

Как я уже сказал, лошади стояли далеко от нас, и поэтому их номера трудно было различить.

Уже в первом же забеге золотисто-рыжая лошадь под номером 10 вырвалась вперед. От криков болельщиков закладывало уши. Зрители наблюдали за скачками стоя, и я ничего не мог толком увидеть. Только когда скакуны равнялись с нашей трибуной, удавалось их разглядеть. Та же рыжая лошадь продолжала нестись впереди всех. Она не скакала, а летела, как стрела, выпущенная из туго натянутой тетивы. Сердце ёкнуло – это, наверняка, моя Алагёз. Однако точно этого я утверждать не мог, так как расстояние было слишком далеким. От волнения меня прошиб холодный пот, сердце в груди колотилось так, что казалось, его биение должно быть слышно всем, если бы не шум вокруг.

Как бы подойти поближе? – подумал я. И не в силах больше томиться неизвестностью, стал локтями прокладывать себе дорогу вперед, толкая всех, кто попадался на пути. Наконец, я подошел поближе к барьеру. От лошадей меня отделяло лишь железное ограждение. Не было сомнений, что в этот раз я смогу как следует разглядеть лошадей.

Я дрожал, как осенний лист, и до боли сжимал костяшки пальцев.

Лошади приближались... О, Господи – вот же она, моя Алагёз, сомнений быть не может! Правда, грива покороче, словно постригли её. Ну по хвосту-то я точно её узнаю, у Алагёз был такой красивый длинный хвост. Опять не повезло – хвост у лошади оказался скручен в узел. Жаль, что с моего места был виден лишь правый её бок. А метка – клеймо с буквой «Г» должно быть на левом боку, который был виден лишь с дальнего конца поля, когда лошади делали круг.

Нет, больше терпеть я уже не мог. Поэтому, как только лошади поравнялись с нами, я громко позвал: «Алагёз!» Лошадь, скакавшая впереди всех, наострила уши, но не остановилась... И знаешь, что произошло потом? Скажу – не поверишь... Клянусь жизнью своего единственного сына, когда лошади, сделав круг, стали скакать в нашу сторону, рыжая, поравнявшись с нами, высоко вскинула морду и так громко заржала, что волосы встали дыбом на голове. У меня уже не оставалось ни малейших сомнений – да, это она, моя несравненная Алагёз. Поэтому я ещё раз громко, что было сил, крикнул: «Алагёз!» ... Брат, словами не передашь всего. Это надо было видеть...

Алагёз остановилась, как вкопанная, прямо напротив меня и громко заржала. Господи, чего только она ни вытворяла. Кружилась на месте, громко ржала. Я подбежал к заграждению, вцепился пальцами в железные прутья. Теперь мы хорошо видели друг друга. Жокей что было сил натягивал уздечку, бил шпорами по бокам, но всё было напрасно. Лошадь не двигалась с места. Уздечка была натянута так сильно, что ещё чуть-чуть, и удила разорвут пасть несчастного животного. Глаза Алагёз, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

Я не мог совладать с собой. Ведь я нашел на чужбине то, что годами искал на родине. Сердце готово было разорваться в груди. Я едва сдерживал слёзы, а бедная лошадь, как сумасшедшая, кружилась на месте. На скачках стало твориться что-то невообразимое. Все повскакали со своих мест и возмущенно кричали. Ведь столько людей сделали свои ставки на Алагёз, и теперь, не понимая, что происходит, они накинулись на меня. Неудивительно, ведь на кону были большие деньги, и Алагёз почти что пришла к финишу первой... Теперь же люди, потеряв свои деньги, жаждали проучить меня, как главного виновника.

Паника царила не только среди людей, но и среди животных – лошади сбились в одну кучу, чуть ли не сталкиваясь мордами. Они били копытами, громко ржали, вставая на дыбы. Те, кто был подальше, спешили на помощь своим соплеменникам. Всё смешалось вокруг.

Меня окружили со всех сторон. Возмущенная толпа начала пинать меня, обызывать последними словами, кто-то бросил на голову кулек с семечками.

Спасибо Агазаде – он буквально вырвал меня из рук разъяренной толпы. Если бы не он, меня бы просто растерзали. Агазаде, заслонив меня грудью, объяснил ситуацию и попросил, чтобы меня оставили в покое.

Многие хорошо знали Агазаде. Как я уже говорил, он пользовался большим уважением в городе. Поэтому толпа расступилась, и я вздохнул с облегчением. На самом поле тоже столпились люди – это были близкие и друзья владельцев скаковых лошадей.

Я едва стоял на ногах, но не мог оторвать глаз от Алагёз. Несколько человек, взявшись за уздечку, пытались оттащить несчастное животное. Алагёз упиралась, то отступая назад, то вырываясь вперёд. Кое-как её, наконец, увели.

В это же время подоспели полицейские. Маленького роста рыжеватый мужчина, показывая на меня пальцем, что-то сбивчиво стал говорить им на фарси. Агазаде попытался объяснить ситуацию полицейским, но они не стали слушать его. Меня затолкали в патрульную машину. Агазаде, попросив разрешения, сел рядом со мной.

А мне всё было нипочём. Наверное, даже, если бы меня резали, я бы не почувствовал. Все мои мысли были рядом с Алагёз. Машина ускоряла скорость, но звонкое ржание Алагёз от этого не становилось тише, оно словно застряло в моих ушах.

Агазаде сидел мрачнее тучи. Пригнувшись ко мне, он тихо прошептал мне на ухо:

– Баба́, плохи твои дела. Тебя посадят.

Но эти слова не испугали меня, мне было безразлично, что со мной сделают. Да и в чем я виноват? Никого не убивал, банки не грабил. Ведь это у меня украли лошадь, я за ней приехал – вот и всё.

Машина остановилась перед двухэтажным зданием. Двое полицейских, взяв меня за руки, отвели в участок. За столом в кабинете восседал высокий, бородатый офицер. Мои провожатые что-то долго ему объясняли. Офицер обратился ко мне с каким-то вопросом. Я обернулся, ища глазами Агазаде. Но того в комнате не было.

Посмотрев в глаза офицеру, я непонимающе пожал плечами – мол, не знаю вашего языка. Один из полицейских что-то сказал ему. Офицер кивнул головой в знак согласия. Полицейский тут же вышел из кабинета и спустя минуту вернулся с Агазаде. Увидев друга, я очень обрадовался. Ведь я ни слова не понимал на фарси и от этого чувствовал себя беспомощным. Когда мой иранский друг вошел в кабинет, офицер привстал с кресла и протянул ему обе руки. Затем предложил ему сесть. Увидев, какое уважение оказывают здесь Агазаде, я немного успокоился и невольно улыбнулся. Подумал – раз они друзья, это поможет моему делу.

Агазаде долго о чем-то говорил с офицером – не трудно было догадаться, что он рассказывает мою историю.

Чутье не обмануло меня – слова Карабах, Баку, звучавшие в разговоре, подтвердили мои догадки. Агазаде говорил очень эмоционально, горячо. Его голос звучал то громко, то тихо и грустно. Казалось, он читает строки ясына из Корана. Звучание его речи напомнило мне голос муллы на поминках.

Офицер внимательно слушал, и лицо его то мрачнело, как туча, то прояснялось, как небо после дождя. Не соврать – наверное, около часа они так проговорили. Точнее, говорил главным образом Агазаде. Лишь один раз офицер кивком головы распорядился подать мне стул. Его немой приказ был тут же исполнен.

Агазаде закончил свою речь, и офицер коротко что-то сказал ему. Потом оба встали со своих мест, и мой иранский друг обратился ко мне:

– Гасан-гардаш, я всё рассказал господину офицеру. Он – мой близкий друг. Хочет помочь нам. Но дело очень серьезное. У нас не в пример вам, закон есть закон. Пока идет разбирательство, ты останешься здесь. Не беспокойся, с тобой будут обращаться как с гостем. Проблема в том, что инцидент на ипподроме дошел до начальства. Пока дадут разъяснения, пройдет какое-то время. Не волнуйся, я каждый день буду навещать тебя.

Агазаде попрощался со мной и хотел было уйти, как я окликнул его:

– Прошу тебя... Ты и так много сделал для меня. Позволь побеспокоить ещё одной просьбой. Узнай, пожалуйста, как Алагёз очутилась в Иране.

Друг посмотрел на меня с улыбкой:

– Гасан-джан, мог бы и не говорить. Я и так собирался всё разузнать, потому что мне и самому это интересно. Клянусь, та сцена на скачках всё ещё у меня перед глазами.

Агазаде попрощался с офицером и ушел.

Меня отвели в другое помещение, где были все необходимые удобства.

Стемнело, и на душе стало ещё тоскливее. Маленькая комната давила на меня. Я всю ночь думал об Алагёз. Сердце сжималось от жалости к бедному животному. Каково ему там?

Наутро в мою комнату пришел врач. Рядом с ним был молодой парень, переводчик. Доктор поинтересовался, нет ли у меня каких-либо жалоб на здоровье. Я ответил, что всё в порядке, хотя это была неправда. До утра болело сердце. Я массировал его, но, конечно, толку от этого не было. С ужасом подумал: «Не приведи Господь, умру вдруг на чужбине. Кто меня тут искать будет». Но, слава Аллаху, всё обошлось, боль потихоньку отпустила. Затем врач поинтересовался, как меня кормили. Я вновь ответил, что нормально, жалоб нет. А про себя подумал: «Смех, да и только – как будто меня в санаторий определили, здоровье поправлять. Не надавали «шаллагов» (ударов плеткой) – и на том спасибо». Я был наслышан, что в Иране нарушителей правопорядка по закону бьют плетью, аж до синяков на спине.

Я попросил переводчика перевести, что всё отлично, я всем доволен и счастлив. Доктор кивнул головой, и оба покинули мою комнату с чувством исполненного долга.

До вечера больше никто не заходил ко мне. Я заскучал – ведь Агазаде обещал прийти, почему же не сдержал обещания? Может, что-то случилось? Я вспомнил его слова, сказанные в машине:

– Баба́, плохи твои дела. Тебя посадят.

Только сейчас я осознал всю серьезность своего положения. А что если меня посадят? Никто ведь и не узнает, что со мной. Государство обо мне и не вспомнит. Больно я им нужен. Таких, как я, тысяча. И даже если со всеми нами что-то случится, оно и пальцем не пошевелит. Наоборот, еще порадуются, что меньше пособий надо выплачивать.

Ночь прошла в бессоннице. На душе было так тоскливо, что не хотелось жить. Дали бы только в последний раз погладить холку Алагёз, поцеловать её в глаза – а там пусть хоть казнят!

Казалось, утро не наступит никогда. Я метался по маленькой комнатке из угла в угол, пока ноги не заболели. Эта ночь была, наверное, самой длинной в моей жизни.

Наконец, забрезжил рассвет. Я с нетерпением уставился на дверь. Примерно около девяти часов дверь открылась. Мне принесли завтрак, но я даже не притронулся к нему. Кусок в горло не лез.

Ближе к полудню пришел дежурный. Он повел меня к вчерашнему офицеру. Зайдя в кабинет, я тотчас же увидел и Агазаде. На душе сразу полегчало. Хотел было спросить у него – почему же ты вчера не пришел? Я весь извелся от ожидания.

Но постеснялся высказать эти мысли вслух. Ведь Агазаде имел полное право сказать мне: «А кто ты мне вообще? Брат или сват, чтобы я ходил за тобой по пятам?»

И офицер, и Агазаде поздоровались со мной за руку. Друг спросил, как мои дела, и я только пожал плечами – мол, какие тут могут быть дела? Хуже некуда.

Агазаде, немного помолчав, сказал:

– Вижу, ты обеспокоен. Поверь, весь день вчера я бегал, даже голову некогда было почесать. Сейчас тебя отпустят на несколько дней. Положение очень серьезное. Из-за тебя понесли убытки как рядовые граждане, так и государство. Люди требуют назад свои деньги. Спасибо добрым людям, что помогли. Особенно моему старому другу Садигу, – сказал он, кивнув головой в сторону офицера. – А что касается твоей лошади, поговорим об этом дома.

Мы попрощались с офицером, которого, как выяснилось, звали Садиг, и пошли домой.

На душе словно тяжелый камень лежал, к тому же сильно болела голова. Неудивительно – ведь я двое суток не спал. Тоска по дому, события последнего дня окончательно выбили меня из колеи.

Когда мы пришли домой, я попросил Агазаде позвонить сыну в Баку. Наверняка, домашние волнуются за меня.

Агазаде взял телефон – не прошло и минуты, как нас соединили.

На звонок ответила невестка. Услышав мой голос, она даже расплакалась:

– Где вы, дядя Гасан? Мы все извелись от беспокойства. Куда только Ахмед ни звонил в Иране... А что с Алагёз? Есть какие-нибудь новости?

Я ответил:

– Не беспокойся, дочка. Скажи Ахмеду, пусть больше никуда не звонит. Я жив-здоров, всё в порядке. У меня здесь остались кое-какие дела. Как только завершу их, приеду обратно. Алагёз я нашел. Расскажу подробности при встрече, когда приеду. В общем, передавай всем привет.

Поговорив с домом, я немного успокоился. Затем посмотрел в глаза Агазаде. Тот сразу понял, о чем мне не терпится спросить, и не стал томить ожиданием.

– Да, Гасан-гардаш, дело обстоит следующим образом. Когда вы, побросав свои дома, бросились бежать из Кяльбаджар, сверкая пятками, армяне начали мародерничать и тащить всё, что приглянется. Короче, твоя лошадь попала в руки одному армянскому офицеру. А у того в Тебризе дядька живет. Так вот – этот самый дядька как раз в то время, когда вашу деревню захватили, гостил в Армении. Увидел он твою лошадь, и очень она ему понравилась. Попросил он своего племянника подарить ему её, потому что его сын интересовался лошадьми. Короче, подарили ему лошадь, и привез он её с собой в Тебриз. По их словам, она никак не хотела признавать новых хозяев, долгое время никого к себе близко не подпускала, лягалась. Потом немного смягчилась, успокоилась, как и вы, – вполухутку-вполусерьез сказал иранец, с усмешкой глядя на меня.

Мне нечего было возразить на это справедливое замечание:

– Ты прав, брат. Так оно и есть. Мы, люди, хоть и сознательные существа, но забыли всё, что с нами сделали враги, все свои беды... забыли покинутые земли, могилы родных, близких... Что же взять с бессловесного животного?

Агазаде, выслушав мою горькую тираду, продолжил:

– Значит, сейчас твоя Алагёз – у сына того самого армянина. Его зовут Ашот. Он выигрывает на всех скачках. Твоя Алагёз, можно сказать, озолотила его. Я лично с ним говорил. Мерзавец даже слушать меня не хотел поначалу. Он зол на тебя из-за того, что ты сорвал скачки. От злости прямо слюной брызгал, как бешеный пёс. Ну я сказал ему: «Знай, с кем разговариваешь». Тот и сбавил спесь.

Когда я предложил ему продать лошадь, тот взвыл, словно ему хвост дверью прищемило. Долго я с ним говорил, и так, и сяк. И знаешь, что он под конец мне заявил? Говорит, где это видано, чтоб армянину в руки попало что-то, а он потом это добровольно вернул? Из разговора с ним я понял, что этот негодяй ни за что не вернет тебе лошадь. Запомни это. К тому же, сам знаешь, – эти мерзавцы не возвращают награбленное. Их Господь создал по подобию кукушек, которые откладывают яйца в чужих гнездах. Добром они ничего не отдадут. Долго мы пререкались с этим армянином. Наконец, я добился, чтобы он разрешил тебе хоть повидаться с Алагёз. Знал, что ты не уедешь, не повидав её. Он согласился при одном условии: чтобы ты частично возместил понесённые им убытки. А для этого суд должен вынести приговор. Так что придётся подождать ещё пару дней.

Услышанное очень расстроило меня. Как будто весь мир рухнул в один миг. Агазаде попытался утешить меня:

– Не отчаивайся. На всё воля Аллаха. Говорят, после черной полосы в жизни обязательно наступает белая.

Но эти слова не только не утешили меня, а только подлили масла в огонь:

– О чём ты говоришь? Разве на такое может быть воля Аллаха? Где это видано, чтобы у тебя украли самое ценное, а потом ещё и денег требовали взамен разрешения посмотреть на пропажу через глазок. Я больше не в силах это выносить. Сердце разрывается.

Агазаде попытался успокоить меня:

– Баба́, имей терпение, не волнуйся так. Что было – то прошло и болью пошло... Потерпи немножко, посмотрим, что будет. А насчет денег не беспокойся, я всё оплачу.

Признаться, когда я думал о том, сколько сделал этот, по сущности чужой человек для меня, я готов был от стыда сквозь землю провалиться.

Прошло два дня.

Наконец, суд вынес решение. Если перевести сумму штрафа, к которому меня приговорили, на манаты, то на эти деньги можно было бы купить не одну лошадь, а целый табун.

Ближе к полудню мы пришли в полицейский участок.

Агазаде отдал начальнику полиции решение суда и квитанцию об оплате штрафа. Пробежав глазами по обозначенной там сумме, начальник аж присвистнул и нахмурил брови.

Провожая нас, он что-то сказал Агазаде и посмотрел на меня. Лицо моего иранского друга вмиг покрылось багровыми пятнами. Я понял, что речь идет обо мне. Интересно, что мог сказать обо мне начальник полиции? Может, посоветовал Агазаде не бросать денег на ветер? Ведь, наверняка, человек, не ценящий свои земли, не оценит и его благородство. Подумав об этом, я покраснел ещё больше, чем мой друг.

Я попросил Агазаде не мешкать и, если это возможно, пойти проведать Алагёз прямо сейчас. Хоть на пять минут, а потом я уеду.

Ни слова не говоря, Агазаде взял меня под локоть и вывел на улицу. Мы сели в такси и направились в дом армянина. В действительности его и домом нельзя называть. Это был целый дворец. Мы нажали кнопку звонка. Дверь открыл худощавый мужчина средних лет. Агазаде что-то сказал ему на фарси. Мужчина быстро пошел в дом. Где-то через минуту он вернулся и пригласил нас пройти во двор. Наверное, это слуга, – подумал я. Да, хорошенькое дело – армянину в Иране прислуживает иранец. Впрочем, у нас всё было в точности так же. Азербайджанцы в Баку арендовали квартиры у армян.

Мы прошли во двор. Это был не двор, а райские кущи с бассейном, экзотическими цветами, павлинами, разгуливающим по саду. Прах на наши головы – мы зарабатываем в поте лица, а кто-то отнимает у нас заработанное, грабит нас и живет, как у Христа за пазухой. А мы только грызёмся друг с другом... В центре двора стояла небольшая беседка. Там сидели двое. Я догадался, что это Ашот и его жена. Предположение оказалось верным. Ашот протянул руку Агазаде и поздоровался с ним. Меня же не удостоил даже мимолетным взглядом.

Они о чем-то переговаривали. Затем мы все вместе направились к конюшне, расположенной в дальнем конце двора. О том, что это конюшня, мне сообщил Агазаде. Сам я ни за что бы не догадался, так как постройка тоже была под стать дому – такая же нарядная, помпезная.

Когда мы приблизились к двери конюшни...

Гасан-киши замолчал, не в силах продолжать рассказ. Дрожащими руками он вытащил из кармана телогрейки мятый, засаленный носовой платок. Скомкал его в ладони. По всему было видно, что он сильно волнуется, и я приготовился услышать что-то очень печальное.

Помолчав минуту и справившись с волнением, Гасан-киши продолжил свой неселый рассказ:

– Только мы приблизились к двери конюшни, как оттуда донеслось ржание. Я узнал голос Алагёз. Значит, она почуяла меня. Когда я толкнул дверь и зашел внутрь, она заржала ещё громче. О, Господи, я не верил своим глазам – передо мной стояла моя красавица Алагёз! Всё было, как прежде, – отливающая золотом грива, пушистый хвост до земли, гордая осанка, взгляд, как у газели...

Забыв обо всём на свете, я упал перед ней на колени и обхватил тонкие лодыжки. Клянусь могилой предков – хочешь верь, хочешь нет: лошадь тоже опустилась на колени, положила морду мне на плечи и так тихо заржала, словно это был её последний вздох. Я обхватил её шею, поцеловал в глаза. Я вдыхал её родной до боли запах, а вместе с ним и запах родной земли – ведь Алагёз покинула Кяльбад-жар после нас. Её кожа словно ещё сохранила аромат родины.

Лошадь, тыкаясь мордой мне в лицо, под мышку, тихонько фыркала. Я поднимался, Алагёз тоже встала на ноги. Я никак не мог наглядеться на неё, всё гладил и гладил по длинной шее, упругой холке. Пальцами расчесывал рыжую гриву. Из глаз Алагёз катились слёзы – такое мне довелось видеть лишь несколько раз в жизни: у верблюда, собаки и голубя.

Эта сцена растрогала даже окружающих. Я услышал позади себя приглушенные рыдания. Обернувшись, увидел, как плачет молодая жена армянина. Агазаде, незаметно утирая слезы на глазах, отвернулся в сторону. Плечи его сотрясались от сдерживаемых рыданий.

Ашота же в конюшне не было. Он ушел.

Словами не передать моего состояния. Я трясся словно в лихорадочном жару. Как сумасшедший метался по конюшне, разговаривая то ли с Алагёз, то ли сам с собой. И неудивительно – ведь в эту минуту я обладал всем, что считал потерянным. Алагёз на этой чужой земле была для меня всем.

Увидев мое состояние, Агазаде погладил Алагёз, взял меня под локоть и тихонько шепнул:

– Ну, будет тебе. Пошли.

Я вновь обвил шею Алагёз руками. Она положила морду мне на плечо, словно почувствовав момент разлуки. Я, не поворачиваясь к ней спиной, медленно побрел к дверям. Поняв, что я ухожу, лошадь встала на дыбы и так заржала, словно пыталась снести стены конюшни. Я в последний раз посмотрел на неё. О, Господи, никогда не забуду этих огромных глаз. Казалось, они вот-вот выскочат из орбит. Ноздри Алагёз от волнения раздувались, как кузнечные меха.

Выйдя из конюшни, я попытался взять себя в руки, чтобы не показать армянину своих слёз. Но это плохо удавалось мне – то и дело рыдания сотрясали грудь.

Сердце разрывалось от доносившегося из конюшни ржания Алагёз. Оно не прекращалось ни на минуту.

Во дворе жена Ашота, схватив его руку, что-то объясняла со слезами на глазах. Склонив голову на плечо мужа, она стала плакать. Я догадался, что молодая женщина о чем-то просит его. Но тот, грубо оттолкнув её, прошел в дом.

Рыдающая женщина схватила стакан, стоявший на столе в беседке, со злостью швырнула его на землю и плюнула вслед мужу.

Мы вышли на улицу. Мне казалось, что в роскошном особняке армянина мне не хватало воздуха. Я глубоко вдохнул, и мне стало немного легче. Не укоряй меня – это облегчение подарила мне Алагёз. И в то же время сердце разрывалось от разлуки с ней.

Я всё ещё слышал её голос. Бедное животное... какие муки выпали на её долю из-за меня горемычного.

Сев в машину, мы поехали домой. Я попросил Агазаде проводить меня, пора ехать домой. Он упрасивал меня задержаться ещё на пару денёчков. Но я твердо решил ехать, так как знал – чем дольше я здесь пробуду, тем тяжелее будет и мне, и Алагёз. Лошади ведь очень ранимы и чувствуют душевную боль сильнее людей. Чем дальше я буду от Алагёз, тем спокойнее ей будет.

Иранский друг не стал возражать и проводил меня до пропускного пункта. Расставаясь, я попросил у него прощения за причиненные неудобства. И ещё сказал, что постараюсь как можно быстрее вернуть долг.

Агазаде похлопал меня по плечу, заверив, что не стоит волноваться из-за денег. Всё, что он сделал, он делал от чистого сердца. Мы обменялись телефонными номерами. При расставании он ещё раз повторил:

– Я ещё раз попытаюсь сделать всё возможное.

– Не мучай себя зря. Эти мерзавцы никогда просто так ничего не возвращают. Не в их это натуре.

В Баку я приехал поздно вечером. Обнял домашних – мы так соскучились друг по другу. Немного отдохнув, рассказал им всё, что со мной приключилось – вот как сейчас тебе рассказываю.

Вслушав эту печальную историю, и сын, и невестка долго молчали. Потом Ахмед подошел ко мне. Сел рядом на диван и положил руку на плечо:

– Отец, за эти годы ты столько выстрадал... Похорони прошлое. Что было – то прошло. Какой смысл беречь душу воспоминаниями? Прошу тебя, забудь. Что касается денежного долга, не беспокойся – постепенно я верну деньги Агазаде. Он многое сделал для тебя, Аллах ему в помощь.

Я ничего не ответил, только покачал головой. На самом деле мне и нечего было сказать. Ведь сын правду сказал.

Наутро сын отправил немного денег в Иран, на адрес Агазаде.

Прошла неделя. Как-то вечером мы сидели за ужином. Неожиданно раздался телефонный звонок. Сын поднял трубку – звонок был из Ирана. Услышав это, я рывком вскочил с места – невестка даже вздрогнула от неожиданности.

Дрожащими руками прижал трубку к уху. Так и есть – звонил Агазаде. После расспросов о здоровье и погоде он сообщил, что получил деньги, добавив: «К чему такая спешка? Я же вас не тороплю».

Про себя я подумал – не знаю, как там у вас принято, у нас же спешка в таких делах лучше задержки.

Агазаде некоторое время молчал, словно подбирая слова. Потом с грустью в голосе сообщил: «Алагёз умерла вчера. Об этом мне сказал Ашот. К тому же он собирается подать в суд на тебя, так как считает, что это ты виноват в смерти лошади».

Дальше я уже не слышал ничего. В глазах потемнело. Как слепец я провел рукой по стене. Прислонился, чтобы не упасть. Казалось, сердце остановилось в груди. Мне было больно дышать. Ахмед, подхватив меня под локоть, усадил на диван. Кажется, я даже не попрощался с Агазаде... Но какое это теперь имеет значение?..

Бедная моя Алагёз – выходит, не выдержала она разлуки, умерла от тоски. А я? Потеряв всё, что у меня было – землю, дом, родных и близких, не сумев даже похоронить жену... я продолжаю жить, дышать, влачить жалкое существование!

И после этого вы будете утверждать, что я – человек разумный, а она – неразумное животное?

С той минуты время словно остановилось для меня.

Прошли недели, месяцы. Не было мне покоя в городе. Стал я просить Ахмеда подыскать мне домик в деревне. Сын и невестка сначала ни в какую не соглашались – мол, живи у нас, чем тебе здесь плохо? Но я настаивал на своём, и в конце концов они были вынуждены согласиться. Не хотел я со своей изможденной, истрадавшей душой портить им жизнь. Ведь они – молодые, им ещё жить да радоваться жизни. А я? Только мешал бы им...

Дальше ты знаешь... Сын подыскал мне место в вашем районе.

Вот такие дела, братец. Такая печальная у меня история. Целую книгу написать можно...

Теперь я один-одинешенек хожу-брожу по белу свету, небо копчу только... Отцы наши говорили: «Если ты мужчина, у тебя должно быть три ценности: жена, папаха и конь».

Мертвую жену я оставил в деревне, даже не похоронил... Папаху потерял, когда бежал, спасая свою жизнь. А лошадь... отдал в руки врагу. Вот Аллах и наказал меня за мои грехи. Я уже на этом свете терплю муки, которые уготованы были на том свете.

Одно только меня держит на этой бренной земле. Ожиданием живу я... Наверное, через четыре месяца исполнится мое заветное желание. Вот потому и купил я этого жеребца. Уж больно похож он на мою Алагёз в детстве. От себя не отпускаю, так мне спокойнее. Может, и настанет скоро тот самый день.

– Какой день, Гасан-киши? – заинтересовался я. – Наверное, ты ждешь день освобождения Кяльбаджар?

– Нет, братец. Не об этом я. Не этот день я жду. Не будет этого, пока кяльбаджарцы и все беженцы будут сидеть, сложа руки, и ждать, что кто-то другой вместо них пойдет на врага, отвоюет их земли, а они босиком побегут в родные края. Никто этого за нас не сделает. Кто-то жизнь отдаёт за Родину, шехидом становится, а мы... разулись и держим туфли в руках, чтобы быстрее добежать до дома. Уповаем на милость Аллаха. Нет, так не бывает. Не верю я. Много воды ещё утечёт, наверное... А я другой день жду. Потом поймешь...

Стемнело. Холодное дыхание осени, забравшись за шиворот, леденило тело. Ноги затекли от долгого сидения на траве.

Мы поднялись с земли. Гасан-киши отвязал жеребца, погладил его по холке и тяжело вздохнул. Потом, попрощавшись со мной, погнал стадо домой.

Наступил второй месяц весны. Всё кругом цвело и зеленело. Воздух постепенно прогревался.

Как-то вечером я вновь встретил Гасан-киши, которого давно не видел. Он очень изменился. За каких-то четыре месяца он словно постарел на несколько лет. Жеребец тоже подрос, превратился в статного коня. Мы немного поговорили о том о сём. Где-то очень глубоко в помутневших от пережитых страданий глазах Гасан-киши словно тлел едва видимый уголёк. Как-будто лучик света пытался пробиться сквозь завесу туч. Непонятно было, погаснет ли этот огонёк или...

Чувствовалось, что Гасан-киши хочет поговорить, но не решается.

Да и я хотел спросить: что же за день такой, который он с нетерпением ждёт. Но при виде его грустных глаз вопрос, готовый сорваться с языка, так и застыл на губах. Не хотелось бередить его душу расспросами. И я промолчал. Обменявшись ничего не значащими фразами, мы попрощались.

Прошло ещё несколько дней.

Я шел мимо пастбища и вдруг увидел мальчонку лет одиннадцати-двенадцати, который верхом на лошади пас скотину. Подойдя поближе, я узнал в лошади повзрослевшего жеребца Гасан-киши. Поздоровавшись с мальчишкой, поинтересовался, где Гасан.

Вытирая нос рукавом, тот ответил:

– Так умер ведь дядя Гасан.

– Как это? Когда?

– Второго апреля, в полночь, повесился в конюшне... А этого коня он ещё при жизни обещал мне отдать. Я ведь помогал ему. А коня моего Алагёз зовут.

Сказав это, мальчишка потянул уздечку, и конь резво сорвался с места.

Я стоял как вкопанный, не в силах пошевелиться. Думал – почему Гасан-киши повесился 2 апреля? Неужели он ждал приближения этого дня? Что произошло 2 апреля?

Я терялся в догадках, ничего не понимая.

Нет, не случайно ведь он выбрал эту дату. Наверняка, с ней было что-то связано. Но что? Беда с этой забывчивостью, прямо настоящая национальная беда какая-то.

В это время мальчишка, прищипив коня, обернулся и словно в ответ на мои мысли закричал:

– Дядя, а знаешь, почему Гасан-киши 2 апреля повесился? Ты что, забыл? Это день оккупации Кяльбаджара...